

Государственный
Лермонтовский музей-заповедник
«Тарханы»

ТАРХАНСКИЙ
ВЕСТНИК

ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

2000

В XXI веке исследователи смогут осваивать большие объемы информации на своем рабочем месте, вводя напрямую в свою компьютерную «Записную книжку» необходимые им сведения из электронного научного издания. При этом резко сократятся привычные для ученых наших дней временные затраты на поиск необходимых данных, как-то: библиография, сравнение разных изданий, просмотр конкретных материалов на ту или иную тему, поиск необходимых цитат и т. п. Все будет осуществляться через команду, отданную компьютеру, который, выполняя ее, выведет искомые материалы на экран в считанные секунды. Электронная форма информации, освобождая ученых от рутинных процессов и сберегая их время, должна способствовать активизации творческого поиска и созданию новых ярких исследований классического наследия русской литературы.

А. И. Журавлева
(Москва)

ЛЕРМОНТОВ И ШЕВЫРЕВ

(К проблеме «московской школы» поэзии)

Само понятие московской и петербургской поэтической школы существует в сознании человека русской культуры достаточно давно и как бы помимо рационально-логических построений и научных описаний явления. Оно несомненно на уровне читательской интуиции и подчас очень трудно определимо в научном дискурсе. Культурная оппозиция «московская/петербургская школа поэзии» резко осозналась и стала обиходной в рассуждениях о поэзии особенно в эпоху Серебряного века, когда она была подкреплена острой литературной борьбой. Тем не менее возникла

она гораздо раньше, и, думается, сейчас мы уже можем датировать ее возникновение примерно 1820-30 годами. Этот эпизод истории литературы уже становился предметом внимания достаточно давно как в пушкинистике, так и в лермонтоведении. Невозможно было при сколько-нибудь объективном освещении темы не заметить сложных отношений Пушкина с кругом московских литераторов, с «Московским вестником» и любомудрами, они и не остались незамеченными¹. В лермонтоведении круг московских литераторов привлекал интерес при уяснении вопроса о формировании литературных интересов Лермонтова, при поисках реминисценций в его поэзии, наконец, при обсуждении проблемы «Лермонтов и славянофильство»². Приходилось заниматься этим и мне в связи с проблемой «Лермонтов и философская лирика», когда я пыталась уяснить соотношение поэзии Лермонтова с творчеством литераторов, так или иначе причастных к Московскому университету³.

Но лишь в последнее время стали появляться работы, где не просто идет речь о сопоставлении отдельных имен или даже литературных групп, но в той или иной мере возникает представление о «московской литературе» как некоей стилевой общности. Назовем, например, статью К. Ю. Рогова «К истории московского романтизма»⁴, монографию Г. В. Зыковой о «Вестнике Европы» как журнале Московского университета⁵, ее же статью «Пушкин и Шевырев: к проблеме «московской школы»⁶, ряд статей в сборнике «Москва и «московский текст» русской культуры»⁷.

Само понятие «московские литераторы», «московские поэты» — термин этой эпохи. Кажется, первым употребил его в полемических целях Вяземский. В рецензии на «Северную лиру» в «Московском телеграфе» в 1827 г.⁸ Г. В. Зыкова пишет, что «в конце 1820-х гг.

Шевырев претендовал на роль лидера «московской школы», составлявшей оппозицию школе «петербургской», «младокарамзинистской», господствовавшей в литературе»⁹, считая это общеизвестным фактом. Ее собственная работа посвящена теоретической полемике Шевырева (впрочем, достаточно корректной) с пушкинским направлением в поэзии и анализу попытки Шевырева обосновать необходимость нового поэтического стиля. Заметим, что речь, в сущности, должна идти о создании эстетического обоснования философской лирики.

Если никто, пожалуй, не прокламировал задачу «московской школы» — создать поэзию, равновесную, равновеликую пушкинской — так открыто и упорно, как Шевырев, то едва ли кто решил эту задачу так убедительно, как Лермонтов.

Лермонтову свойственно повышенное внимание к такому поэтическому материалу, который Пушкиным не разработан или разработан сравнительно мало. Мы имеем в виду не только сюжетно-тематический материал вроде, скажем, характерной московско-исторической «костюмности» (удельный вес «Двух великанов» и «Песни про купца Калашникова» в лермонтовской поэзии явно выше, чем в пушкинской вес его сказок и некоторых стилизаций). Важнее другое — материал поэзии в возможно более общем, широком смысле: где у Пушкина экскурс, стилизация, там у Лермонтова — мелодии, сразу врезающиеся в память и второй век не дающие покоя эпигонам и пародистам — самый, наверное, надежный признак с о б ы т и я в поэзии.

Пушкин достигает своего события, в общем, благодаря правилу, методу — стихосложения — прежде всего, как известно, ямбического стихосложения. И у Лермонтова есть свой метод, к а н о н, свой ямб, только многостопный. Но он более открыто вынесен за тер-

риторию собственно лермонтовской поэзии как именно по преимуществу технический метод; если это и поэзия, то та, которая из риторики. Речь, впрочем, именно о лирике; поэзное повествование — иное дело, достаточно вспомнить четырехстопным ямбом написанного «Демона».

Подлинный Лермонтов — не так правило, как исключение и по стиху, и по экзотическому материалу, который, однако, у Лермонтова утрачивает значительную долю экзотичности, обретая лирическую непосредственность. «Анчар» Пушкина — великолепная поэзия, но он не лирика в том смысле, в каком, конечно же, лирика лермонтовские «Три пальмы», «Дубовый листок», «Утес»¹⁰.

При всей учености и теоретичности Шевырева с Лермонтовым его роднит некая лирическая непосредственность. Тютчев, например, как поэт в высшей степени сосредоточен, собран. Наверное, таким поэтом хотел бы быть ученый Шевырев, но был он совсем другим. Сравним, например, тютчевское «Когда пробьет последний час природы...» и одно из лучших шевыревских стихотворений «Сон», казалось бы, близкое Тютчеву по проблематике.

У Тютчева, при всей страстности его философствования, величественную картину наблюдает словно бы человечество в целом, субъективность, как сказали бы в XIX веке, полностью устранена. Быть может, поэтому живая лирическая нить к Лермонтову тянется не столько от «олимпийца» Тютчева, сколько от «педанта» Шевырева.

Сильное и великолепное в своей яркой образности стихотворение Шевырева «Сон», казалось бы, уже благодаря своему сюжету должно быть сугубо личностным (что может быть неповторимее, индивидуальнее сна?):

Мне Бог послал чудесный сон:
Преобразилась природа,
Гляжу — с заката и с восхода,
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных
В порфирах огненно-янтарных —
И над воскреснувшей землей
Чета светил по небокругу
Течет во сретенье друг другу.
Все дышит жизнью двойной:
Два солнца отражают воды,
Два сердца бьют в груди природы —
И кровь ключом двойным течет
По жилам божия творенья,
И мир удвоенный живет —
В едином миге два мгновенья.
И с сердцем грудь полуразбитым
Дышала вдвое у меня,—
И двум очам полузакрытым
Тяжел был свет двойного дня.

И далее рассказ все время идет от первого лица. Поэт настойчиво повторяет: «Мой дух», «Не станет мира и меня», «Последним вздохом я отвечу», «Молний миллионы Мой опаляют ясный взор» и т. д. Но все-таки, несмотря на это, в стихотворении нет никаких примет конкретной этой индивидуальности. Перед нами — мистическая греза шеллингианца. В сущности, в другом своем знаменитом стихотворении «Мудрость» Шевырев очень точно сказал о себе:

Мои все жилы были струны,
Я сам — хваления орган.

Поэт как сосуд познающего духа, как нечто отдельное от своей собственной человеческой личности — таков художник у любомудров. Важно понять, что это не одна из «идей» их «стихотворений о поэте и поэзии», а творческая позиция, определяющая постановку авторского голоса в их лирике. Это поэзия мысли, а не мышления, как у Лермонтова.

Мысль связана с внебиографическим «я», мышление — процесс внебиографически невозможный. Поэзия мышления — это, собственно, синоним поэтической духовной биографии. Мысль связана с личностью пространственно, мышление предполагает связь временную. Категория становления необходима в поэзии мышления, т. е. в философской лирике, связывающей интеллектуальный план с личным.

И этот переворот в создаваемой московскими поэтами философской лирике был совершен Лермонтовым.

Если считать, что Шевырев как поэт несколько недореализовался в Шевыреве-поэте, то в поэте Лермонтове он реализовался вполне (хоть сам этого, судя по его критическим отзывам о Лермонтове, и не заметил).

Повторимся: Лермонтов в кругу любомудров, Лермонтов и Шевырев — эти темы обсуждались издавна. Естественно было искать здесь следы влияния поэтов, с которыми биографически связана была юность Лермонтова, питомца университетского Благородного пансиона и студента Московского университета.

Следы такой связи обнаруживались, однако, исключительно в раннем творчестве классика. Между тем, если не прямо «цитатные», то более сложные связи с поэзией Шевырева (как и Хомякова, о чем мне уже приходилось писать) можно обнаружить и в зрелой лирике Лермонтова. И эти, как выражались в старину, отзвуки шевыревской поэзии, свидетельствуют, что она жива в читательской памяти Лермонтова.

Наиболее очевидны случаи, когда Лермонтов использовал сюжетную структуру шевыревского стихотворения. Обратим внимание на две совершенно очевидные параллели: «Дары Терека» — «Тибр» и «Спор» — «Петроград».

В обоих случаях Лермонтов использует сюжетный ход Шевырева: сопоставление, немой диалог Терека и Каспия повторяет диалог Волги и Тибра; спор Казбека с Эльбрусом — спор Петра I с морем. В «Дарах Терека» впечатление сходства усилено близостью ритмико-интонационной формы стихотворения (четырёхстопный хорей), к тому же есть у Лермонтова — правда, в другом стихотворении — и довольно близкое частное совпадение поэтического образа (Шевырев: «О, когда бы доплеснула до тебя его волна...», Лермонтов: «И старалась она доплеснуть до луны Серебристую пену волны»).

В «Споре» и «Петрограде» ритмико-интонационное сходство, может быть, менее очевидно внешне (там и там — модификации четырёхстопного хорей), но, думается, не менее ощутимо уже по самому особо заостренному в обоих случаях характеру модификаций. Лермонтовский ритм — сочетание исходной четырёхстопной полной с трёхстопной усеченной строкой — пожалуй, звучит более изысканно и экзотично, а шевыревский инверсированный вариант, где полная и неполная четырёхстопные строки меняются местами, — более, как выразились бы в старину, громкозвучно, но не менее остро передают главный общий мотив — столь же общий сюжет аллегорического спора:

Море спорило с Петром:

— Не построишь Петрограда...—

и драматически переживаемого наступления цивилизации. И впрямь сравнимый со «Спором», «Петроград» — едва ли не сильнейшие стихи Шевырева.

Вполне, на наш взгляд, можно предположить, скажем, и связь лермонтовской «Родины» со стихотворением Шевырева «К непригожей матери» — там и здесь «непонятная» любовь к отчизне, мотивируемая сыновним чувством. Но, конечно, разработана тема совер-

шенно по-разному. Шевырев держится в рамках развернутого аллегоризма, все стихотворение последовательно реализует изначально заявленное олицетворение: некрасивая женщина — мать, все отдавшая детям и борьбе с суровыми обстоятельствами, противопоставлена красавице, «любимой солнцем и землей».

Лермонтов же отказывается не только от аллегории, но и от столь обычной для него философской символики, рассуждение переходит в непосредственное лирическое изъяснение и переживание.

Примеры подобных отзвуков стихов Шевырева в поздних лермонтовских можно было бы и приумножить, но, думается, и приведенные позволяют сделать вывод: поэзия Шевырева жила в Лермонтове отнюдь не только как воспоминание о московской юности и времени ученичества. Связь между лирикой Шевырева и Лермонтова куда шире и глубже отдельных, пусть не случайных, но изолированных эпизодов.

Островский сказал о Пушкине: «Он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость»¹¹.

Эта задача — быть самим собой в п р и с у т с т в и и Пушкина — остро осознавалась современниками, как ровесниками, так, тем более, и теми, кто пришел в литературу позже него. Встала она и перед Лермонтовым, самобытность которого созидалась постепенно разными путями. Один из них — и весьма важный, как нам кажется, — возможность опереться на «московскую традицию», хотя ее, может быть, точнее было бы (во всяком случае до Лермонтова) назвать «московской тенденцией», неким проектом иного пути в поэзии, не лишенным, однако, своего рода последовательности. Что, в общем, само явление Лермонтова в итоге и подтвердило как нельзя убедительней.

Он преодолевает теоретизм «университетской», «уче-ной» поэзии, органично переработав свойственный ей интерес к философии и поэтическому эксперименту. Философическая риторика и аллегоризм у Лермонтова перерастали постепенно в емкую философскую символику, а расширение ритмикомелодического репертуара (прежде всего за счет трехсложников) перестало быть экспериментом, дав новые возможности стиху в разработке живой речи.

¹ См., напр.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929; Аронсон М. Поэзия С. П. Шевырева // С. П. Шевырев. Стихотворения. Л., 1939; Канунова Ф. З. Пушкин и «Московский вестник» // Уч. записки Томского гос. ун-та. № 16. Томск, 1951; Маймин Е. А. Еще о Пушкине и «Московском вестнике» // Пушкинский сборник. Псков, 1968 и др.

² См., напр.: Нейман Б. В. Лермонтов и «Московский вестник» // Русская старина. 1914. Т. I. 160. № 10; Эйхенбаум Б. М. Опыт историко-литературной оценки. Пг., 1924; Грибушин И. И. Отзвуки лирики Шевырева в творчестве Лермонтова // Русская литература. 1969. № 1; Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975; Вацуро В. Э. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985.

³ Журавлева А. И. Лермонтов и философская лирика 30-х годов // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1964. № 3; Журавлева А. И. Лермонтов и Хомяков // Вестник Московского ун-та. Филология. 1978. № 1.

⁴ Рогов К. Ю. К истории московского романтизма // Лотмановский сб. Вып. 2. М., 1997.

⁵ Зыкова Г. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805-1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.

⁶ Зыкова Г. В. Пушкин и Шевырев: к проблеме «московской школы» // Пушкин: Сб. статей. М., 1999.

⁷ Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998.

⁸ Благодарю Г. В. Зыкову за это указание.

⁹ Пушкин. Сб. статей. М., 1999. С. 207.

¹⁰ См. об этом подробнее: Журавлева А. И. Влияние баллады на позднюю лирику Лермонтова // Вестник Московского ун-та. Филология. 1981. № 1; она же. Некрасов и Лермонтов // Вестник Московского ун-та. Филология. 1972. № 1.

¹¹ Островский А. Н. По случаю открытия памятника Пушкину // ПСС: В 12 т. М., 1978. Т. 10. С. 113.